

тону мы улавливаем многие из приемов барочной алтарной композиции 17 столетия.

Еще более показательны в этом отношении поздние произведения Корреджо на мифологические темы, в их числе «Леда» (Берлин) и «Даная» (Рим, галерея Боргезе) (илл. 72). Лучшие из работ этого рода — парные композиции «Юпитер и Ио» и «Ганимед» (ок. 1530 г.; обе в венском Художественно-историческом музее) — изумляют своей непохожестью на произведения того времени. Необычный для ренессансной картины вытянутый вверх формат, в который, однако, несмотря на сложные мотивы движений, искусно вписаны фигуры, эффектная живопись — все это, и в особенности сам дух этих картин, своим утонченным гедонизмом и холодной чувственностью напоминает работы живописцев 18 века. В них нет уже свойственного мастерам Высокого Возрождения сочетания внутренней мощи образа и его высокой правды; красота этих полотен граничит с красотой.

Но при всей неожиданности многих из решений Корреджо и близости их к искусству барокко они прежде всего — порождения своего времени. Отдельные свойства его искусству тенденции в менее развитой форме можно обнаружить у его старших современников. Принцип эмоционального оживления образов, сам характер их внутренней экспрессии восходят к Леонардо, так же как и мягкость пластической моделировки и особое внимание, уделяемое светотени. Специфический оттенок гедонизма, применение системы эффектных ракурсов в несколько ином аспекте проявились в рафаэлевском фресковом цикле «История Психеи» в вилле Фарнезина. Но то, что только намечалось и зарождалось в первые два десятилетия 16 века, получило условия для своего более полного развития в 1520-е гг. Это десятилетие было своего рода смутным временем в искусстве Средней Италии: уже завершалась фаза Высокого Ренессанса, но еще не наступила стадия позднего Возрождения. Закончили